

A
M69

На правах рукописи

МИХАЙЛОВА Ольга Алексеевна

**ОГРАНИЧЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ
РУССКОГО СЛОВА**

Специальность – 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Ильин -

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Уральского Госуниверситета
г.Екатеринбург

Екатеринбург 1998

Работа выполнена на кафедре риторики и стилистики русского языка Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А.М.Горького.

- Научный консультант – доктор филологических наук,
профессор Купина Н.А.
- Официальные оппоненты – доктор филологических наук,
профессор Ермакова О.П.
доктор филологических наук,
профессор Крысин Л.П.
доктор филологических наук,
профессор Стернин И.А.
- Ведущая организация – Московский государственный
университет им. М.В.Ломоносова

Защита состоится « ____ » _____ 1998 г. в ____ ч.
на заседании диссертационного совета Д 063.78.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Уральском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете им. А.М.Горького (620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, ком. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского университета.

Автореферат разослан « ____ » _____ 1998 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

В.В.Эйдинова

Семасиологическая наука характеризуется множеством исследований языковой и/или речевой семантики слова по конфигурации семного состава (Ю.Д.Апресян, И.В.Арнольд, М.Бирвиш, Д.Болинджер, Л.М.Васильев, А.Вежбицкая, У.Вейнрейх, Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров, В.Г.Гак, М.Я.Гловинская, Дж.Катц, Н.Г.Комлев, Э.В.Кузнецова, В.В.Морковкин, М.В.Никитин, Л.А.Новиков, З.Д.Полова, И.А.Стернин, В.Н.Телия, А.А.Уфимцева, Н.Ю.Шведова, Д.Н.Шмелев и др.). При всех различиях в понимании самого объекта – лексического значения – наблюдается общность исследовательского подхода: анализ целостного смыслового содержания слова. Однако на современном этапе развития семасиологии ощущается необходимость в изучении отдельных компонентов значения и в анализе таких аспектов семантики, которые до сих пор по разным причинам оставались в тени. К их числу относится вопрос об ограничительном компоненте в значениях лексических единиц, репрезентируемом определенной моделью лексикографической интерпретации. В реферируемой диссертации, представляющей собой синхроническое исследование лексической семантики, решается проблема семантического ограничения в значении русского слова.

В лингвистической литературе до сих пор остается дискуссионным вопрос о значении слова. Выяснению и уточнению подлежит в первую очередь онтологический статус лексического значения, а также компонентный состав семемы. Решение этих задач затруднительно в рамках “имманентной” лингвистики без учета человеческого фактора, поэтому сейчас мы являемся свидетелями неуклонного возрастания интереса ученых к языковой личности. Можно констатировать наличие двух главных подходов к изучению языка: лингвоцентрического и антропоцентрического. Антропоцентрический подход к описанию языка прослеживается, главным образом, в исследованиях, посвященных проблемам функционирования языковых единиц (Н.Д.Арутюнова, Т.В.Булыгина, О.П.Ермакова, Е.А.Земская, Ю.Н.Караулов, Г.Е.Крейдлин, Л.П.Крысин, Н.А.Купина, А.Б.Пеньковский, Г.Н.Скляревская, И.А.Стернин, М.Ю.Федосюк, А.Д.Шмелев), тогда как системно-структурная организация лексики описывается в рамках лингвоцентрического подхода (С.Г.Бережан, Л.М.Васильев, Р.М.Гайсина, В.Г.Гак, П.Н.Денисов, А.К.Жолковский, Т.А.Кильдибекова, И.А.Мельчук, Л.А.Новиков, В.М.Солнцев, А.А.Уфимцева, Ж.П.Соколовская, А.Н.Шрам). Плодотворным представляется совмещение двух названных подходов при анализе лексического значения и, в частности, ограничительного компонента.

Лексическое значение слова, будучи сложным языковым феноменом, является объектом изучения разных направлений лингвистики: семной семасиологии (Ю.Д.Апресян, Л.М.Васильев, А.Вежибция, И.А.Стернин), ономасиологии (Ф.С.Бацевич, Е.С.Кубрякова, А.А.Уфимцева), лингвокультурологии (В.В.Воробьев, Г.Г.Гачев, В.Н.Телия, Е.С.Яковлева), когнитивной лингвистики (Т.Ван Дейк, М.Минский, Ч.Филлмор). Продуктивным оказывается синтез традиционных и новых направлений, поэтому в процессе исследования мы стремились к соединению семасиологии с лингвокультурологией и с когнитивными теориями фреймов и гештальт-структур.

Теоретические проблемы семасиологии и лексикологии тесно увязываются с современной теорией лексикографии, которая провозгласила принципы антропоморфного способа организации материала и увеличения семантической емкости толкования значения (А.С.Герд, Т.А.Корованенко, Н.З.Котелова, Г.Н.Скляревская, Ф.П.Сороколетов). Решение проблемы семантического ограничения, полное классифицирующее описание ограничительного компонента могут стать обоснованием нового направления лексикографической деятельности.

Актуальность исследования. Монографическое описание семантического ограничения на базе синтеза семасиологического, лингвокультурологического и когнитивного направлений открывает перспективы расширения границ традиционной семасиологии, дает теоретическую платформу современной лексикографической деятельности.

Объектом исследования на первом этапе являются ограничительные фрагменты толкования в словарных дефинициях лексических единиц, представленные особыми формальными лексикографическими показателями: скобками, союзами *и*, *или*, кванторными наречиями. На втором этапе исследования объектом служит лексическое значение русского слова в системе языка, в культурном сознании носителей языка и в речевой реализации.

Предметом исследования является ограничительный компонент в семантике слова – лимитирующие семы.

Цель работы – на базе семантико-лексикографического, лингвокультурологического и когнитивного описания разработать концепцию ограничения в лексической семантике русского слова.

Для достижения этой цели решаются следующие конкретные задачи:

- выявить способы представления ограничительного фрагмента в толковых словарях русского языка;

- выделить лимитирующую сему как элемент денотативно-ограничительного компонента семемы, формирующего, наряду с сигнификативным и коннотативным компонентами, лексическое значение слова;

- определить природу денотативно-ограничительного компонента и разработать классификацию лимитирующих сем на интра- и экстралингвистических основаниях;

- выявить соотношение между системой лимитирующих сем и некоторым участком реального мира, обосновать лингвокультурологическую значимость этой системы;

- определить место информации, закрепленной в лимитирующих семах, в структуре знаний и установить зависимость между характером лимитирующих сем и экспликацией в высказывании обусловленных ими семантико-синтаксических позиций.

М а т е р и а л о м для исследования послужили словарные дефиниции всех знаменательных частей речи, содержащие ограничительные фрагменты толкования, которые были извлечены методом сплошной выборки, по возможности исчерпывающе, из толковых словарей русского языка – свыше 10 тыс. единиц; а также высказывания, включающие предикаты с лимитирующими семами, – около 9 тыс. фраз.

Для сбора материала был использован “Словарь русского языка” в четырех томах (Малый академический словарь, далее – МАС); по мере необходимости привлекались также 17-томный “Словарь современного русского литературного языка”, вышедшие тома 2-го издания “Словаря современного русского литературного языка” (далее – ССРЛЯ) и “Словарь русского языка” С.И. Ожегова (под ред. Н.Ю. Шведовой). Методологически работа по сбору материала основывалась на сочетании индуктивного метода с гипотетико-дедуктивным, так как они взаимодополняемы, а их жесткое противопоставление противоречит логике когнитивного процесса. Первоначально применялся индуктивный подход, цель которого – установить с помощью формальной процедуры некоторую совокупность слов, имеющих в толковательной части скобки. Затем на основе “челночного” метода – от словарной дефиниции к семантике и обратно – выделялись семемы, содержащие ограничительный компонент (как оказалось, не обязательно заключенный при толковании в скобки).

Отбор фразового материала осуществлялся путем порционных выборок из произведений художественной литературы и публицистических текстов. При необходимости он дополнялся иллюстративными материалами словарей.

О с н о в н ы е м е т о д ы и с с л е д о в а н и я . Комплексное изучение ограничительного компонента семантики основано на мето-

дах описательного лингвистического анализа. Автор исходит из двух основных методологических положений: об отражательной природе значения и о национально-культурной обусловленности языка.

Применительно к отдельным аспектам исследования использован ряд традиционных для семасиологии частных методов. Это компонентный, дистрибутивный, трансформационный анализ. Кроме того, использовались методы лингвокультурологии и когнитивной лингвистики: соотнесение значения с культурным кодом, реконструкция фрагмента языковой картины мира, метод семантического моделирования структуры значения и структуры пропозиции. Наконец, немалое место отводилось интроспекции как методу научного анализа, в наибольшей степени отвечающему специфике антропоцентрического подхода.

Научная новизна исследования определяется в первую очередь тем, что предложена концепция ограничительной семантики в значении слова: выделен денотативно-ограничительный компонент в структуре лексического значения; определена онтологическая природа этого компонента и его составляющих – лимитирующих сем; предложена многоаспектная типология лимитирующих сем; выявлены лингвокультурологические основания системной организации лимитирующих сем; установлена связь между типами лимитирующих сем и семантико-синтаксическими позициями пропозициональной структуры; прослежены тенденции в реализации этих позиций в поверхностной структуре высказывания. Выявленная модель лексикографической интерпретации семантики слова, интуитивно используемая составителями словарей, получила в диссертации теоретическое осмысление и обоснование на основе разработанного системно-интегрального подхода к лексическому значению.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В дефинициях толкового словаря можно выделить фрагменты толкования, выполняющие ограничительную функцию. Подобные фрагменты разнообразны, поскольку передают разные типы информации. Среди прочих есть ограничения, связанные с денотативной семантикой слова и отражающие особенности восприятия внеязыковой реальности определенным этносом. Эти ограничения фиксируются в денотативно-ограничительном фрагменте толкования, который является манифестатором лимитирующих сем – семантических признаков лексического значения, ограничивающих конкретное проявление какого-либо свойства денотата, сферу денотативной приложимости признака или параметры ситуации.

2. Лексическое значение слова соотносится не только с понятием, но и с представлением, что находит отражение в толковом словаре: основная часть толкования указывает на общие и существенные признаки реалии, образующие понятие, а денотативно-ограничительный фрагмент толкования – на стереотипные, но неинвариантные признаки обозначаемого, соотносимые с представлением. Вследствие этого можно говорить об особой природе лимитирующих сем по сравнению с другими компонентами лексического значения. Лимитирующие семы отражают признаки денотата – предмета или ситуации. В отличие от обобщенных и обязательных признаков, отраженных в дифференциальных семах, это признаки конкретные, чувственно осознаваемые, реально присутствующие в сознании типичного представителя языкового коллектива, но необязательные для обозначаемого. В отличие от коннотативных сем, лимитирующие семы не образуют модальной рамки значения.

3. Лимитирующие семы, наряду с интегральными, дифференциальными и коннотативными семами, структурируют общеязыковое значение лексической единицы, понимаемое как типовой образ обозначаемого. Изучение прототипической модели значения возможно в рамках предлагаемого системно-интегрального подхода.

4. Лимитирующие семы могут быть упорядочены и классифицированы по ряду оснований, не учитываемых в традиционных типологиях сем: по аспекту ограничиваемого содержания и по степени жесткости ограничения.

5. Лимитирующие семы фиксируют лишь те объекты действительности, те связи и отношения между ними, которые наиболее ярко видятся языковому коллективу и обладают психологической значимостью. Значимость объектов может определяться присущими им особыми свойствами, либо их культурной ценностью для носителей данного языка, либо тем и другим одновременно. Лимитирующие семы показывают, что представление о мире основано на принципе пиков: отражению подвергается не мир в целом, а те его составляющие (пики), которые являются наиболее релевантными для этноса. Опираясь на систему лимитирующих сем, можно утверждать, что формирующаяся в сознании языкового сообщества система концептуальных связей основана не столько на том, какова онтология объектов, сколько на наших представлениях о сущностных свойствах окружающего мира. Эти представления отражают национально специфическое видение мира.

6. Лимитирующие семы являются предметными и признаковыми составляющими, выделяемыми когнитивным мышлением из целостности факта или события. Природа лимитирующих сем и отражение в них

стереотипного представления об обозначаемом служат основанием того, что они входят в структуру знания как элементы некоторой национально-культурной формы. Содержательные разновидности лимитирующих сем, их присутствие в значениях разных функциональных типов обуславливают проекцию лимитирующих сем на различные семантико-синтаксические позиции, образующие иерархическую структуру. Данная структура включает 4 уровня: высший уровень составляют референтные ограничители, ниже располагаются ситуативные ограничители, затем следуют логические ограничители, а на низшем уровне находятся атрибутивные ограничители. Местоположение ограничителя в структуре иерархии предопределяет тенденции реализации связанной с ним позиции в поверхностной структуре предложения.

Теоретическая значимость диссертации. Основные идеи исследования, определившие его новизну, существенны для теоретического обоснования компонентного состава лексического значения, для унификации моделей толкования слов разных частей речи. Результаты исследования могут быть использованы в теоретических трудах по философии языка, семасиологии и лингвокультурологии.

Практическая значимость исследования определяется предназначенностью его результатов для лексикографической практики. Подготовленные автором словарные материалы и учебные пособия используются в курсе "Современный русский язык" и в специальных курсах по актуальным вопросам семантики, которые читались автором в Уральском университете и Уральском педагогическом университете.

Апробация работы. Основные положения работы изложены автором в докладах на международных, всероссийских, зональных научных конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Щецине, Воронеже, Ростове-на-Дону, Перми, Омске, Екатеринбурге.

Основное содержание диссертации отражено в 25 опубликованных работах общим объемом 34 печатных листа. В их числе монография, два учебных пособия, учебный словарь.

Условно можно сказать, что исследование проходило в два этапа. Первый этап эмпирический, он включает обоснование отбора материала и решение вопроса о выделении лимитирующих сем. Второй этап собственно исследовательский – выработка макета концептуального описания лимитирующих сем (от сущности к реализации); он состоит из трех подэтапов в соответствии с аспектами интерпретации отобранного материала – системно-семасиологическим, лингвокультурологическим и когнитивным. Теоретическое обоснование каждого подэтапа дано в разделе "Предварительные замечания" соответствующей главы.

Путь исследования – от выявления набора лимитирующих сем, определения их природы к последовательной реализации каждого этапа анализа – предопределил структуру работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и списка условных сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение содержит обоснование темы, формулировку цели исследования и вытекающих из нее задач, общую характеристику работы.

Глава 1. Ограничительные фрагменты толкования как манифестаторы лимитирующих сем. Словарная статья толкового словаря включает разнообразную информацию, которая располагается в нескольких зонах (Ю.Д.Апресян, А.К.Жолковский и И.А.Мельчук, Л.П.Крысин) и фиксируется с помощью различных лексикографических средств, являющихся элементами метаязыка словаря. К числу таких средств относятся различного рода вербальные пометы, цифровые обозначения, указывающие на семантическую структуру слова, условные знаки и шрифтовые выделения. Во всех толковых словарях русского языка в правой части словарной статьи встречается знак “круглые скобки”, однако ни в одном словаре в перечне используемых знаков он не указан. Это можно объяснить только тем обстоятельством, что названный знак многофункционален и используется в разных зонах словарной дефиниции.

Одна из функций круглых скобок в семантической зоне – введение разъяснительной информации (пояснение или иллюстрация используемых в объяснении слов) – имеет, на наш взгляд, прямое отношение к проблеме “словарь и человек”. Составители словаря учитывают оппозицию ‘лексикограф – читатель’ и при семантизации слов становятся на различные точки зрения (Б.А.Успенский). В одних случаях толкования ориентированы на языковую компетенцию усредненного пользователя языком (в этом со всей очевидностью проявляется антропоцентризм словаря). В других случаях толкования представляют собой результат абстрагирующей деятельности составителей словаря и свидетельствуют о преимущественной реализации интересов лексикографа.

Круглые скобки в семантической зоне словарной статьи выполняют и такую функцию, как введение ограничительной информации: *жуужжать* ‘производить однообразно дребезжащий звук крыльями при полете (о насекомых)’; *дидактический* ‘имеющий характер наставле-

ния, поучения (о литературных произведениях, жанрах)'; *артерия* 'путь сообщения (особенно водный)'; *коляда* 'старинный рождественский и новогодний обряд (преимущественно на Украине)'

Ограничение заключается в том, что семантический признак, объективированный в дефиниции словом или словосочетанием в скобках, имеет не обобщенное, а относительно конкретное содержание. Он распространяется не на неопределенное множество предметов какого-либо класса или частных разновидностей какого-либо признака, а лишь на небольшой набор или единственного представителя множества.

Ограничения появляются в языке в тех случаях, когда есть тот или иной выбор: выбор вариаций и вариантов в пределах заданного инварианта, выбор единиц языка и некоторой парадигмы, выбор, в конце концов, самой парадигмы из языковой системы. Процесс выбора является многоступенчатым, и на всех уровнях выбора действуют определенные ограничения. Язык испытывает множество разнообразных ограничений: экстралингвистических и собственно языковых, которые находят отражение в словаре, поскольку в русских толковых словарях принят ограничительный принцип (Г.Н.Скляревская). При этом далеко не всегда ограничительные компоненты оформляются в дефиниции скобками.

Лингвисты неоднократно обращали внимание на разного рода ограничения, которые учитываются или должны учитываться лексикографами. Так, регулярно выделяют стилистические ограничения, связанные с употреблением слова в аспекте стилистической дифференциации; синтаксические ограничения, указывающие на соответствующие значению условия употребления слова в предложении; морфологические ограничения, описывающие обязательную грамматическую валентность слова; лексические ограничения, задающие список контекстных партнеров, в сочетании с которыми реализуется толкуемое значение.

Перечисленные типы – это собственно языковые ограничения, ограничения системой или нормой. Они выработаны языковым коллективом, кодифицированы, и их роль состоит в том, чтобы фиксировать особые типы маркированных или несвободных значений: стилистически окрашенных, синтаксически или конструктивно обусловленных, фразеологически связанных. Эти ограничения отражают факторы и причины появления подобных значений как средств вторичной номинации.

Вместе с тем в словарных дефинициях встречаются ограничения, обусловленные экстралингвистическими факторами, в частности культурно-историческими. Такие ограничения мы назвали ограничениями

обстановочного контекста (термин Н.Ю.Шведовой), так как в них отражается хронологическая и локальная прикрепленность слова, национально-культурная, социально-классовая и идеологическая регламентация употребления лексической единицы. Фрагменты толкования, передающие подобную информацию, манифестируют прагматический компонент лексического значения.

И, наконец, в словарной статье можно выделить ограничения предметно-логического содержания слова, также обусловленные экстралингвистическими факторами, а именно существованием самих объектов и их отношениями в реальном мире. Такие ограничения связаны с денотативной семантикой знака и отражают особенности вычленения данным языком определенных участков действительности. Часть словарной статьи, в которой фиксируются рассматриваемые ограничения, назовем денотативно-ограничительным фрагментом толкования (далее также – ДОФТ).

Основной критерий выделения ДОФТ – это наличие формальных лексикографических показателей, к которым относятся скобки, союзы *и, или*, кванторные наречия *обычно, преимущественно, иногда* и под., синтаксические единицы в парентетической функции.

ДОФТ встречаются в дефинициях всех знаменательных частей речи, но содержание этих фрагментов различается в зависимости от функционального типа значения слова. В толкованиях предметных имен ДОФТ передают сведения об ограничении какого-либо свойства предмета (формы, цвета и т.п.) типовым представлением о нем, сложившимся в коллективном сознании. Например: *бутылка* ‘сосуд для жидкостей с узким продолговатым горлом, обычно цилиндрической формы’ – первая часть толкования включает классифицирующие компоненты, а выделенный фрагмент представляет собой ограничительный компонент, отражающий типовое усредненное представление о форме этого сосуда, при этом отсутствие у референта соответствующего признака (например, пластиковые бутылки в форме параллелепипеда) не вызывает проблем с его номинацией.

В дефинициях признаков слов ДОФТ очерчивают круг денотативной приложимости действия/признака: *вянуть* ‘лишаться свежести (о растениях)’; *обуять* ‘охватить (о чувствах)’; *беззвездный* ‘с невидимыми звездами (о ночи, о ночном небе)’; *восковой* ‘бледно-желтый, мертвенно-бледный (о цвете кожи)’ и под. Эти случаи необходимо со всей определенностью отграничивать от слов с фразеологически связанным значением, так как их сочетаемость регламентируется не внутриязыковой сочетаемостной нормой, а семантическими и предметно-логическими отношениями, т.е. такие лексемы легко вступают в соеди-

нение с синонимами основных распространителей, а также со словами, расширяющими ряд однотипных распространителей при обозначении новых реалий.

Будучи направленными на предметно-логическое содержание слова, денотативно-ограничительные фрагменты толкования манифестируют семантические признаки лексического значения, которые мы называем в соответствии с выполняемой ими функцией лимитирующими семами (далее также – ЛС). Лимитирующие семы предназначены для отражения типовых знаний среднего носителя языка о специфике прототипических свойств денотатов, о специализации связей и отношений в денотативном пространстве языка и об особенностях бытия денотата.

На первом этапе исследования выявлен набор лимитирующих сем, закрепленных в семантике всех знаменательных слов.

Глава 2. Лимитирующие семы в контексте семемы: системно-семасиологическая интерпретация. В работе принята субстанциональная концепция значения, согласно которой значение есть отображение предмета, явления или отношения в сознании говорящих. Исследование в рамках системно-семасиологического подхода направлено на решение двух центральных для теории значения вопросов: 1) вопроса о соотношении лексического значения с мыслительными категориями и отражение этого соотношения в толковом словаре; 2) вопроса об объеме системно-языкового значения слова.

В отражательных теориях основой значения признается гносеологический образ, т.е. существенные признаки обозначаемого, образующие понятие. Однако вопрос о сходстве и различии между понятием и значением не имеет однозначного решения. Многие лингвисты отождествляют значение и понятие научное (терминологическое), признавая значение частью этого понятия, и вместе с тем ставят знак равенства между значением и понятием донаучным, бытовым (логическим), включающим общие и наиболее существенные для носителя языка признаки предмета. Следует заметить, однако, что понятие образует основной, необходимый элемент лексического значения, но не исчерпывает собой всего этого значения. В лексическом значении слова фиксируется не только понятие – результат обобщенного отражения действительности, но и представление – результат чувственного познания окружающего мира, основанного на коллективном национальном опыте (В.М.Богуславский, Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров и др.). Такое понимание значения находится в полном соответствии с фундаментальным свойством языка – признаком антропоцентризма. Именно генсрализованное представление обнаруживает непосредственно челове-

ский элемент в значении слова. Наличие в лексическом значении результатов двух уровней мыслительного освоения реального мира – логически осознанного и чувственного – находит отражение при объективации лексической семантики в словаре. Основная часть толкования фиксирует понятие – общие и существенные признаки обозначаемого, тогда как ДОФТ предназначен раскрыть типовое представление о денотате – стереотипные, но неинвариантные признаки, которые нельзя приписать понятию именно по причине их неуниверсальности, избирательности. Вследствие этого можно говорить об особой природе лимитирующих сем, которые являются результатом индуктивного обобщения явлений реального мира и их свойств. Они отражают диалектичность природы самих вещей и представляют собой компонент общей структуры знания, отложившегося в человеческом сознании. Благодаря ЛС и лежащему в их основе представлению, значение слова способно вызывать яркий образ предмета или ситуации и в то же время обеспечивать обобщение.

Такое решение вопроса позволяет по-новому взглянуть на противопоставление денотативного и сигнификативного компонентов в значении слова. Принято считать, что денотативный компонент связан с предметным рядом, с миром реальных явлений; это представление о данном предмете, возникающее в сознании. Сигнификативный компонент имплицитно подразумевает понятийный признак, мыслительный аналог класса однородных явлений; это понятие о предмете, признаке, ситуации со всеми существенными свойствами. Поскольку любое лексическое значение отражает понятие и представление, то логично выделять как в предметных, так и в признаковых именах и сигнификативный, и денотативный компоненты. Важно только обнаружить, каким образом каждый из этих компонентов лексикографируется.

В конкретных именах денотативный и сигнификативный компоненты представляют собой разные, но диалектически взаимосвязанные уровни освоения предметной сферы. Они взаимопроникают как чувственное и логически осознанное. Денотатом конкретных имен является объем соответствующего класса предметов, и он неотделим от сигнификата, поскольку связан с высшей категорией мышления – понятием. Вследствие этого в значениях предметных имен мы выделяем неразложимый денотативно-сигнификативный компонент, зафиксированный основной частью толкования. ДОФТ, служащий отражением результатов представления и связанный с миром реальных, манифестирует собственно денотативный компонент лексического значения. Например, лексема *мотыль* определяется в словаре как ‘личинка комара-дергуна, живущая в иле (используется как приманка при ловле рыбы на удочку и как корм

для рыб в аквариумах). Денотативно-сигнификативный компонент значения представлен такими семами: 'личинка', 'относящаяся к группе комаров-дергунов', 'живущая в воде'. Собственно денотативный компонент семемы включает ЛС 'используется как приманка при ловле рыбы на удочку и как корм для рыб в аквариумах'.

Глаголы и прилагательные, обозначая свойства и отношения вещей, обладают сигнификативным характером значения. Семантика признаков слов релятивна по своей природе. Поскольку всякий признак имплицитно по логике вещей определяет субстанцию – предмет, которому он может быть приписан, постольку в структуре значения глаголов и прилагательных выделяется не только номинативная ценность, но и свернутая модель логических отношений двух понятий – предмета и признака. Другими словами, в значении признаков имен можно выделять две части: сигнификативный компонент, отражающий ситуацию или свойство, и денотативный компонент, указывающий на участников или параметры ситуации, а также на носителя свойства. Например: *облетать* 'испытать в пробном полете' – сигнификативный компонент, '(самолет, дирижабль)' – денотативный компонент.

Таким образом, в дефинициях слов и с предметным, и с признаковым значением основная часть толкования, отражающая понятие, репрезентирует сигнификативный компонент, а ДОФТ – денотативный компонент лексического значения. Наше понимание "денотативного компонента" в определенной мере отличается от общепринятого тем, что мы включаем в это понятие типовые признаки обозначаемых, основанные на знании о свойствах реалий, входящих в данное множество. Эти признаки отражают усредненное представление языкового коллектива об обозначаемом. Чтобы избежать нежелательного отождествления с распространенным пониманием денотативного компонента и соотнести эту часть семемы со способом ее репрезентации в словаре, обозначим данный компонент как денотативно-ограничительный, подчеркивая тем самым, что он ограничивает представление о денотате типовыми признаками реалии, зафиксированными в языковой ментальности данной лингвокультурной общности. Элементарной составляющей денотативно-ограничительного компонента является лимитирующая сема.

Решение вопроса о структуре лексического значения и определение в ней места ЛС осуществляется на фоне современных теорий значения. В семасиологии принципиально различаются два подхода к лексическому значению: дифференциальный (Ю.Д. Апресян, А.В. Вежбицкая, Л.Ельмслев, Дж. Катц и др.) и интегральный (Д. Болинджер, М.В. Никитин, И.А. Стернин и др.). Дифференциальная модель лексического зна-

чения включает в себя некоторое количество дифференциальных признаков (иначе – семантических компонентов, семантических множителей, маркеров, фигур плана содержания, семантических примитивов, сем), существенных и необходимых для противопоставления одного значения другому. По сути дифференциальные признаки выполняют метаязыковую функцию описания значения слова, но в лингвистике не существует единого мнения об их количестве и списочном составе, хотя признается бесспорным факт, что число этих признаков невелико. Структурные определения значений хорошо представляют соотношение в паре “лексикография и система языка”, так как они фиксируют набор семантических признаков как некий инвариант – идеализированную когнитивную модель. Но такие определения совершенно непригодны для решения проблемы “словарь и человек”, ибо для наивного носителя языка значение – это не набор дискретных семантических признаков, а то, что он имеет в виду, когда употребляет соответствующее слово.

Интегральная концепция значения – это “всеохватывающая” концепция, предполагающая расширительный подход к значению. С позиций интегрального подхода семантика слова является бесконечно сложной структурой, охватывающей широкий круг более или менее существенных признаков, проявляющихся у предмета в разных ситуациях. Эти признаки не важны для противопоставления значений, они структурно не значимы, но в значительной степени релевантны для коммуникации, поскольку именно они во множестве случаев регулируют правильность употребления слова. При интегральном понимании лексическое значение предстает как нелимитируемое (И.А.Стернин), так как нельзя четко определить его границы и полностью исчислить образующие его семантические компоненты. В этом случае возникает серьезная проблема с лексикографическим описанием нелимитируемого значения. В толковых словарях невозможно зафиксировать все “обертонны смысла”, передаваемые словом во всем многообразии речевых употреблений, в них должно описываться общезыковое, или системное, значение – то единообразное для всех носителей языка содержание, которое сохраняет тождество слова и обеспечивает процесс коммуникации.

В качестве общезыкового значения мы принимаем прототипическую модель (А.Вежицкая, Л.Колеман и П.Кей, Дж.Лакофф, Х.Патнем, Дж.Росс, Э.Рош), которая является “двуслойной” – состоящей из признаков, отражающих наивное понятие, и признаков, предопределенных представлением о стандартном образце класса. Наше понимание значения не укладывается в рамки дифференциального подхода, оказываясь

более широким, поскольку предполагает включение в значение не только структурно релевантных признаков, выделенных методом оппозиций. Вместе с тем подобный подход к значению является более узким, чем интегральный, так как ограничивает значение слова рамками системы, оставляя за этими пределами все собственно речевые употребления. Для изучения прототипического значения в диссертации предлагается системно-интегральный подход. Системно-интегральный подход совмещает в себе принципы структурной и антропоцентрической лингвистики, ибо не только обращается к языку, рассматриваемому в самом себе и для себя, но и учитывает “человеческий фактор” – то представление о мире, которое характерно для среднего интеллигентного носителя языка.

Системно-интегральный подход не разрушает основ дифференциальной семасиологии, ибо опирается на положение о дискретности семантики слова и о наличии в семеме интегральных и дифференциальных признаков, соотносимых с объемом и содержанием понятия. И одновременно названный подход не противоречит идее о “размытом” характере значения, поскольку лимитирующие семы отражают признаки, допускающие вариативность в процессе познания. Общеязыковое значение с позиций системно-интегрального подхода включает в себя интегральные, дифференциальные, коннотативные и лимитирующие семы.

В отличие от дифференциальных сем, лимитирующие семы являются чувственно-наглядными по природе и более конкретными по содержанию. В отличие от коннотативных сем, лимитирующие семы не образуют модальную рамку, в них отсутствует образность, субъективность, оценочность.

Лимитирующие семы, обладая сущностными отличиями от других видов сем, требуют нетрадиционных классификаций. В диссертации предложены типологии ЛС по двум основаниям: по содержанию и по степени жесткости ограничения. В содержательном аспекте выделяются три разновидности лимитирующих сем:

1. ЛС, ограничивающие проявление какого-либо признака денотата одним или несколькими вариантами: *факел* ‘переносный светильник на рукоятке, обычно в виде палки с намотанной на конце просмоленной паклей’ – ограничивается признак ‘внешний вид предмета’; *чулан* ‘подсобное помещение в жилом доме, обычно служащее кладовой’ – ограничивается признак ‘функциональное назначение предмета’. ЛС, ограничивающие аналитические признаки денотата, присутствуют в содержании имен существительных.

2. ЛС, сужающие область денотативной приложимости определенного действия, состояния, признака. Они ограничивают круг референтов – носителей соответствующего признака: *взмывенный* ‘покрытый пеной, в сильной испарине от быстрого, долгого бега (о лошади)’; *дремучий* ‘густой, труднопроходимый, старый (о лесе)’; или круг референтов – субъектов действия, состояния: *взбрыкнуть* ‘резко вскинуть задние ноги (о животном)’; *пронизать* ‘пробиваясь, проникая сквозь что-л., заполнить собой (о свете)’; а также круг референтов – объектов воздействия: *гарпунить* ‘добывать, ловить с помощью гарпуна (рыбу, морских животных)’; *ерошить* ‘теребя, приводить в беспорядок (волосы, бороду)’. ЛС этой разновидности обнаруживаются в значениях глаголов и прилагательных.

3. ЛС, дающие информацию об отдельных элементах ситуации с ограничением диапазона характеристик: *читать* ‘преподавать (преимущественно в высшем или специальном заведении)’ – ограничивается параметр ‘локализация действия’; *ежиться* ‘пожиматься всем телом (от холода, болезни)’ – ограничивается параметр ‘причина действия’. Для обозначения ситуации в русском языке приспособлены глаголы, поэтому ЛС третьей разновидности встречаются лишь в глагольных семемах. Эти ЛС предназначены для создания целостного образа ситуации, отраженного в сознании и стимулируемого соответствующим глаголом.

По степени жесткости ограничения различаются три типа лимитирующих сем: специализированные, альтернативные и вероятностные. Специализированные ЛС свидетельствуют о высокой значимости семантического признака для прототипного значения, они ограничивают проявление соответствующего признака одним и только одним вариантом, заложенным в наивном языковом сознании. Альтернативные ЛС задают возможность избирательной или серийной представленности признака и ограничивают его проявление несколькими вариациями, типовыми для наивного сознания. Вероятностные ЛС указывают, что данный признак является лишь самым характерным из возможных вариантов, но отнюдь не обязательным. Названные типы сем различаются формально по их репрезентации в словаре. Специализированные семы подаются отдельным словом, словосочетанием, реже – предикативной конструкцией: *гоготать* ‘издавать резкие отрывистые крики, похожие на звуки “го-го-го” (о гусях)’; *двуперстный* ‘производимый при помощи двуперстия (о крестном знамении старообрядцев)’; *калуфер* ‘травянистое растение семейства сложноцветных, обладающее приятным запахом (употреблялось как пряность)’. Альтернативные семы манифестируются в словарном толковании перечислительным рядом закрытой структуры: *расползтись* ‘разрастись (о вьющихся и ползучих растениях)’; *кольцевать*

‘снимать тонкий слой коры (с целью замедления роста и увеличения плодоношения)’. Вероятностные ЛС оформляются с помощью маркеров – кванторных наречий: *дирекция* ‘руководящий орган предприятия, учреждения, учебного заведения (обычно с директором во главе)’; *кулуары* ‘боковые залы, коридоры (преимущественно в парламенте, театре), служащие для отдыха, а также для неофициальных встреч’.

Таким образом, лимитирующие семы есть элементарные составляющие денотативно-ограничительного компонента – составной части прототипной модели лексического значения. Лимитирующие семы отражают признаки, с разной степенью обязательности имеющиеся у обозначаемого, но присутствующие в представлении языкового коллектива о данном объекте или положении дел. Лимитирующие семы восходят к действительности, являются экстралингвистически обусловленными, и этот факт определил путь дальнейшего анализа.

Глава 3. Лимитирующая семантика и вещный мир: ономаσιологическая и лингвокультурологическая интерпретация. В данной главе ведущим становится антропоцентрический подход к лексическому значению. Главным для нас является вопрос не о связях и отношениях слов с другими однопорядковыми единицами, а о связях между лексической семантикой и вещным миром – как ментальный образ всцного мира организует систему лимитирующих сем.

Основным фактором, формирующим лексическую систему, являются объекты и отношения самой действительности, соответствующим образом преломленные в языковой системе. С таким пониманием согласуется ономаσιологический подход в исследовании лексики (Ф. С. Бациевич, Е. С. Кубрякова, А. А. Уфимцева).

В основе антропологического направления лежит “предзнание” об устройстве языка. Фундаментом лингвокультурологического аспекта нашего исследования является лингвистическое знание о зависимости между функциональным типом значения и содержанием присутствующих в данном значении компонентов-ограничителей. Принципиально различаются лимитирующие семы, включенные в семемы признаковых и предметных имен, а потому они требуют разного описания и, следовательно, разных типологий. Далее в соответствующих параграфах главы предлагаются классификации лимитирующих сем, содержащихся в значениях глаголов, прилагательных и существительных.

В семемах глаголов ЛС несут информацию об участниках либо о параметрах ситуации, вследствие этого разграничиваются денотативно-конкретизирующие и ситуативно-конкретизирующие ЛС. Анализ конкретного содержания денотативно-конкретизирующих ЛС в ономасио-

логическом аспекте позволил создать многоуровневую типологию референтно-отражательных классов – множества глаголов, объединенных общей ЛС, очерчивающей круг денотативной приложимости признака

На первом уровне выделяются 3 наиболее крупных референтно-отражательных класса: *человек*, *живой мир* (органическая материя, включая человека), *неживой мир* (неорганическая материя). На втором уровне в каждом классе выделяются подклассы. Первый класс включает 3 референтно-отражательных подкласса: *человек*, *мемброфакты* (части человеческого тела), *ментофакты* и *психофакты* (проявления интеллектуальной и эмоциональной жизни человека). Второй класс – живой мир – объединяет два референтно-отражательных подкласса: *бестиафакты* (представители животного мира) и *граминафакты*, или *фитофакты* (представители растительного мира). Третий класс – неживой мир – также делится на два подкласса: *натурфакты* и *артефакты*, которые на третьем уровне разделяются на ряд групп (*небесные светила, явления природы, участки земной поверхности, жидкость, физические явления, время* – в подклассе натурфактов; *средства передвижения, орудия труда, механизмы, предметы быта, предметы культуры* – в подклассе артефактов). Каждый класс, подкласс и группа подробно описаны в диссертации.

Ситуативно-конкретизирующие ЛС также “развернуты” на мир, и их содержание – это экстралингвистическая информация. Денотатом глагола выступает ситуация, и названные лимитирующие семы очерчивают типовое представление языкового коллектива о соответствующей ситуации, конкретизируя и ограничивая какой-либо из ее параметров. В работе выделены и описаны следующие разновидности ситуативно-конкретизирующих ЛС: *место* и *время* существования, *обусловленность* одной ситуации конкретными факторами или другой ситуацией, *цель*, ради которой создается ситуация.

В следующем параграфе дается описание лимитирующих сем, содержащихся в семемах прилагательных. Типология ЛС в прилагательных полностью накладывается на типологию денотативно-конкретизирующих ЛС в семемах глаголов, и это явилось основанием для лингвокультурологического анализа предметной сферы, отраженной в системе ЛС.

Лимитирующая семантика, будучи обращенной в окружающий мир, являясь той частью значения, которая отражает чувственно-наглядные представления об именуемой реалии, а также связь данной реалии с определенными жизненными и культурными ситуациями, фиксирует информацию, важную с точки зрения “наивной” языковой личности. Предметная сфера, зафиксированная системой ЛС в призна-

ковых именах, представляет некоторый фрагмент действительности, являющийся результатом ее когнитивной обработки. Опираясь на референтно-отражательные классы, можно выявить, какие именно материальные и духовные объекты обладают “лингвистической ценностью” для русского языка. В диссертации предложена модель участка картины мира, реконструированная по данным системы ЛС. Не претендуя на глобальные выводы о русской картине мира, возможно, как нам кажется, выделить наиболее важные для русской общности и культуры участки действительности и сферы социальной жизни (допускаем, что эта картина содержит много универсальных черт).

Фрагмент наивной картины мира выстраивается не хаотично, а в соответствии со значимостью для языкового коллектива самих обозначаемых и в полном соответствии с антропоцентрическим принципом языка. Реконструируемый участок картины мира центруется вокруг человека, а перспектива располагается по двум направлениям – личный мир и окружающий мир. По обоим направлениям картина мира складывается из ярусов, причем каждый вышележащий ярус есть отражение более отдаленного от человеческого бытия участка мира, и зоны окружающего и личного мира соотносительны: внешний мир рассматривается человеком сквозь “прорезь” своего мира. Поскольку широта обзора прямо пропорциональна расстоянию от воспринимающего, постольку каждый вышележащий ярус охватывает большее “пространство мира”. При этом отдельные конкретные детали на более высоком уровне прорисовываются с меньшей четкостью и число этих деталей меньше, то есть взгляд становится более обобщенным, приближаясь к границам неведомого.

В ближайшей перспективе – на первом ярусе картины мира – полагаются представления о человеке как индивиде, биологическом существе, поэтому здесь помещается номенклатура частей тела и органов человека. В направлении окружающего мира ближайшим участком оказывается дом человека и его быт. Это наиболее конкретизированная и проработанная в языке сфера, охватывающая все то, что составляет “периметр безопасности” (А. Леруа-Гуран) и обеспечивает жизнедеятельность людей: продукты питания, одежда, обувь, орудия труда, животные, преимущественно домашние, растения. Представленные на первом ярусе денотаты получают обозначения словами-гипонимами: *волосы, голова, сердце, кровь, румянец и варенье, коса, листья, лошадь, собака* и пр.

Второй ярус – это личность и общество. Представления человека о себе как социальном субъекте включают информацию о семейно-родственных или дружеских отношениях (*муж, жена, супруги и друзья, гос-*

который фрагмент действительности, нитивной обработки. Опираясь на ре, можно выявить, какие именно мате- обладают "лингвистической ценностью" и предложена модель участка картины анным системы ЛС. Не претендуя на ртине мира, возможно, как нам кажет- я русской общности и культуры участ- оциальной жизни (допускаем, что эта альных черт).

и мира выстраивается не хаотично, а в я языкового коллектива самих обозна- ни с антропоцентрическим принципом ок картины мира центруется вокруг че- ется по двум направлениям – личный оим направления картина мира скла- дый вышележащий ярус есть отражение кого бытия участка мира, и зоны окру- осительны: внешний мир рассматрива- ' своего мира. Поскольку широта обзо- гоанию от воспринимающего, постоль- хватывает большее "пространство ми- етные детали на более высоком уровне ткостью и число этих деталей меньше, обобщенным, приближаясь к границам

– на первом ярусе картины мира – рас- еловеке как индивиде, биологическом ается номенклатура частей тела и орга- ружающего мира ближайшим участком быт. Это наиболее конкретизированная , охватывающая все то, что составляет еруа-Гуран) и обеспечивает жизнедея- ания, одежда, обувь, орудия труда, жи- ашник, растения. Представленные на ют обозначения словами-гипонимами: *мянец и варенье, коса, листья, лошадь,*

ь и общество. Представления человека о ключают информацию о семейно-родст- ниях (*муж, жена, супруги и друзья, гос-*

ти, соседи), о некоторых профессиях, которые имеют специфические черты (*писатель, актер, священнослужитель, летчик*), а также о соци- альных статусах человека, чаще уже отсутствующих в современном со- циуме, но сохраняющихся в языке, который является хранителем кол- лективного опыта (*раб, крепостной, помещик, вольноотпущенный*). Кроме того, важным для наивных представлений о себе оказывается и фактор дееспособности человека. Так как язык фиксирует прежде всего отклонения от нормы, то в картине мира имеется ячейка с наимено- ваниями недееспособного лица (*утопленник*) или лица с ограниченной дееспособностью (*больной, спящий, пьяный*).

Осмысляя себя как личность, человек обращает свой взгляд на общество, выделяя в нем явления, значимые для него. Так, на втором ярусе картины мира в направлении окружающего мира располагаются административно-территориальные объекты, а также транспортные средства, материальные и культурные ценности. Удаляясь от человека, картина становится менее детализированной, поэтому на втором уровне объекты представлены, главным образом, родовыми, обобщенными на- именованьями (*город, страна, транспорт, деньги, документы, ору- жие, музыкальные инструменты, произведения искусства и литерату- ры*).

Третий ярус картины мира – осмысление человеком себя как выс- шего существа, способного мыслить, говорить и испытывать высшие эмоции – *homo sapiens et loquens*. При этом эмоциональный и интеллек- туальный мир человека, по данным языка, соотносится с миром приро- ды как самостоятельный и самодовлеющий, неподвластный личности. Неслучайно поэтому признаковые имена в прямом значении ориенти- рованы на предметную сферу подкласса натурфактов (*жидкость, свет, звук, огонь*), а в переносных значениях – на предметную сферу подклас- са психофактов и ментофактов (*чувства, мысли*).

Отдаленность третьего яруса от "наблюдателя" позволяет послед- нему видеть только общий план, без деталей. Этим объясняется обозна- чение расположенных здесь объектов именами с обобщенной семанти- кой. Так, встречается только существительное *чувства*, хотя вообще в языке отражается детализированная система эмоций (Е.М.Вольф, В.И.Шаховский); используется только существительное *жидкость*, не- смотря на большое разнообразие видов жидкости; при обозначении осадков и других явлений природы встречаются только обобщающие имена *дождь, снег, лед, облака*, однако работы диалектологов и этимоло- гов свидетельствуют, что в говорах широко разработана метеороло- гическая терминология (Т.В.Горячева, А.К.Матвеев).

Венчает наивную картину мира *Бог*, объединяющий обе ее ветви. Мы позволили себе такой вывод, исходя, во-первых, из априорной системы ценностей русской национальной личности: одной из обязательных составляющих этой системы признается религиозность и православие, а доминирующими концептами русского менталитета является “общинность, соборность, православная вера” (В.В.Воробьев). Вторых, слова, содержащие ЛС ‘бог’ даже своей морфемной структурой указывают на высший уровень: *всевидящий, всевышний, всемогущий, всемилостивый*. Здесь следует обратить внимание на известный субъективизм составителей словарей и отразившуюся в лексикографии языковую политику. В МАС лимитирующая сема ‘бог’ зафиксирована лишь при семантизации глагола *сподобиться*, тогда как в семемах вышеназванных прилагательных она отсутствует, но зато справедливо восстанавливается в ССРЛЯ, изданном в более демократичное время.

Наивная картина мира, реконструируемая по данным системы ЛС, – это “очеловеченная” модель, так как она отражает значимые для человека явления. Эта модель, по всей вероятности, универсальна, так как является отражением общечеловеческих представлений о мире. Вместе с тем лексическое наполнение этой модели, безусловно, обнаруживает лингвокультурное своеобразие каждого этноса. О национальных особенностях можно говорить уже потому, что здесь представлены этнографически значимые группы слов: термины родства, наименования одежды и обуви, частей тела, предметов быта, продуктов питания, растений. Еще в большей степени можно говорить о национальной специфике, если обратиться к отдельным лексическим единицам, наполняющим группы. По нашим наблюдениям, они совмещают в себе знаковое и культурное значения, являются лингвокультуремами (В.В.Воробьев). Так, встречаются слова, обозначающие предметы – символы русского быта: *гармонь, колокол, изба, печь*; а также слова, в которых собственно предметная семантика углублена до концептуальной значимости: *солнце, небо, дорога, метель* и др.

Таким образом, система ЛС в значениях признаков имен – это отражение антропологически релевантных знаний, а покрываемое ею семантическое пространство есть слепок наиболее значимого для данного этноса участка наивной картины мира.

В следующем параграфе диссертации описываются ЛС, присутствующие в семемах существительных. В значениях предметных имен ЛС указывают на характеризующие свойства объектов, формируя представление о прототипическом образце класса. Предложена типология ЛС, включающая 13 разновидностей: *размер, форма, цвет, запах, назначение, локализация* и др. Выделение языковым сознанием разнооб-

разных аналитических признаков, присущих объектам окружающего мира, имеет определенные закономерности, обусловленные онтологией самих обозначаемых. ЛС, указывающие на типовые свойства предмета, в наибольшей степени выявляют эти закономерности, так как ограничительная часть семемы есть отражение мыслительной категории представления и через систему ЛС “просвечивает” ценность внелингвистических объектов и выделяемых в них свойств. ЛС в семемах денотативов отражают субстанциональные и относительные свойства объектов. Субстанциональные признаки связаны с физическими параметрами, они неотчуждаемы от объекта и основаны на перцептивном восприятии. Субстанциональные свойства: размер, цвет/окраска, запах – это природные качества, поэтому такие разновидности ЛС присутствуют лишь в именах естественных объектов – природных и биологических сущностей. Между тем и объекты-артефакты могут обладать некоторыми неотчуждаемыми свойствами (форма, особенности конструкции, материал и способ изготовления, внешний вид, качественный отличительный признак), однако эти свойства “заданы” объекту человеком с утилитарной целью и могут быть в принципе изменены. Поэтому ЛС в семемах имен артефактов отражают онтологически сложные свойства, являющиеся одновременно и субстанциональными, так как определяют сущность предмета, и относительными, так как обусловлены связью с человеком.

Относительные свойства указывают на отношения объекта с окружающим миром и человеком. Они приписываются как естественным, так и искусственным объектам. В системе ЛС из числа таких относительных свойств нашли отражение ‘место’ и ‘время’, ибо в фундаментальных представлениях человека о мире каждый объект, независимо от его происхождения, помещается в вешное пространство и циклическое или линейное время. Не менее важным оказывается и относительное свойство ‘назначение объекта’, так как практические потребности человека распространяются на все предметы внешнего мира и в процессе труда происходит превращение этих предметов, независимо от их природы, в продукт труда. Относительные свойства объектов “высвечивают” этнокультурную специфику последних.

Таким образом, концептуальный класс прогнозирует набор и структуриацию не только понятийных компонентов языкового значения, но также и признаков, отражающих характерные свойства прототипов – идеальных образцов класса. Опираясь на систему ЛС в семемах существительных, мы можем составить достаточно полную картину о том, какие признаки объектов вещного мира обладают значимостью в представлении данного языкового коллектива. Важно подчеркнуть, что

ценностная информация об объекте в наивном языковом сознании соединяет перцептивные, функциональные и локально-темпоральные характеристики.

В целом можно утверждать, что система ЛС сложилась в языке не случайно, а представляет собой национально специфическую часть общей картины мира, ценность которой в значительной мере определяется потребностями, общественными институтами, традициями, верованиями русских.

Глава 4. Лимитирующие семы в проекции на синтаксический уровень языка: когнитивная интерпретация. В предварительных замечаниях к главе излагаются основные принципы когнитивного подхода к языку, дается характеристика опорных понятий новой научной парадигмы (структура знаний, фрейм, пропозициональная структура, гештальт-структура), обосновывается целесообразность анализа ЛС с позиций когнитивной лингвистики.

Лимитирующие семы в составе лексических значений проецируются на терминалы фрейма, что обусловлено их природой: они составляют прототипную часть семантики слова, то есть отражают стереотипные представления об обозначаемом, свойственные языковому коллективу. ЛС разных содержательных типов отражают элементы различных структур знания, хранящихся в памяти. Так, ограничители референтной приложимости признака и ограничители параметров ситуации соотносятся с элементами пропозициональных структур, а ограничители аналитического признака – с элементами гештальтов. Когнитивная природа лимитирующих сем обуславливает тип связанной с ними семантико-синтаксической позиции. ЛС в семантике предикатных имен задают позиции аргументов, а лимитирующие семы в предметных именах открывают возможность для появления характеризующих имен. Содержательные разновидности ЛС проявляют себя в существовании разных типов ограничителей, связанных с семантикой позиции. Нами выделено 4 типа ограничителей, образующих иерархическую структуру в соответствии со значимостью терминала во фрейме. Высшую ступень занимают референтные ограничители, детерминирующие позиции субъекта и объекта; ниже располагаются ситуативные ограничители, определяющие позиции места, времени и способа действия; на следующей ступени находятся логические ограничители, задающие позиции причины, условия, цели (эти параметры ситуации осмысливаются через соответствующие логические категории); наконец, на низшей ступени иерархии помещаются атрибутивные ограничители, связанные с позициями квалификативов.

Каждая позиция пропозициональной структуры имеет категориальную определенность, т.е. на поверхностном уровне данная позиция может быть представлена лексическими единицами одного функционально-семантического поля. Объемы таких полей различны. Однако позиции, связанные с лимитирующими семами, определены не только на категориально-понятийном, но и на более конкретном денотативном уровне, вследствие чего эти позиции могут манифестироваться, в зависимости от степени жесткости ограничения, лишь одной или несколькими единицами соответствующего функционально-семантического поля.

Далее в диссертации исследуются тенденции в реализации на поверхностном уровне семантико-синтаксических позиций, обусловленных разными типами ограничителей.

Референтные ограничители имеют тенденцию выражаться на поверхностном уровне высказывания, что вполне естественно, так как в соответствии с теорией валентности (Л.Теньер) и порождающей грамматикой (У.Чейф, Ч.Филлмор) они входят в перспективу (Ч.Филлмор) и относятся к обязательным распространителям синтаксических структур.

Анализ позиций, связанных с лимитирующими семами, позволил еще раз подтвердить особую роль субъекта в ряду других актантов. Референтный ограничитель, выполняющий функцию семантического субъекта, в абсолютном большинстве случаев находит выражение в высказывании, в то время как позиции, соотнесенные с другими типами ограничителей, чаще не эксплицируются, и информация о них присутствует в высказывании в виде включенных актантов. Субъект может оставаться имплицитным только при условии, когда соответствующая ему лимитирующая сема является специализированной и входит в основное значение глагола. Включение субъекта сопровождается существенной трансформацией исходной модели, появлением безличных трансформов: *Снег поросил все сильнее, началась метель* (Ан.Иванов). – *С утра поросило, к обеду ... разыгралась большая метель* (Вс.Иванов).

Реализация позиций, связанных с референтными ограничителями объекта, зависит от типа ЛС. Обычно получают выражение в структуре высказывания альтернативные ЛС, особенно в том случае, когда денотат имени расширяет предметную сферу, очерченную лимитирующей семой, ср.: *семафорить* (флажками, сигнальным аппаратом) – *Из-за башни появилась человеческая фигура и начала семафорить руками* (А.Новиков-Прибой). Референтные ограничители объекта не эксплицируются в виде самостоятельной синтаксической позиции только в том случае, когда они получают формальную экспликацию в морфемном составе

слова: корневые морфемы манифестируют соответствующие специализированные ЛС, ср.: *вальсировать* ‘танцевать вальс’; *серебрить* ‘покрывать серебром’ – *Все барышни выбирали его и находили, что с ним очень ловко вальсировать* (А.Пушкин); *По сторонам [шкатулки] красовались высеребрённые чашечки для чернил и песку* (Д.Григорович).

Ситуативные ограничители с конкретно-предметным значением (*солнце, камень, река* и под.) в равной мере способны манифестироваться в высказывании в виде отдельной позиции либо оставаться невыраженными: *вляить/вляиться* (на солнце, на открытом воздухе) – *Щук отец вынотрошит, распластает и развесит на воздухе вляить желтое и прочное щучье мясо* (М.Пришвин) и *На вешалах возле каждого дома вляилась красноватая юкола* (В.Лидин). Это объясняется двойственностью ситуативных ограничителей: определенностью содержания, с одной стороны, и принадлежностью к необязательным распространителям – сирконстантам, с другой.

Ситуативные ограничители событийного значения (*выборы, свадьба*) обладают сложной семантикой и поэтому практически никогда не манифестируются в виде синтаксической позиции высказывания, но зато обязательно реализуются в более широком контексте.

Логические ограничители эксплицируются в виде придаточных предложений, а также полупредикативных оборотов, выражающих свернутые пропозиции, ср.: *пыжиться* ‘обычно стараясь сделать что-то’ – *Сжав кулаки и весь напрягаясь, пыжась, словно индюк, так, чтобы все мышцы делались железными, Володька приобрел равновесие* (А.Первенцев); *барахтаться* ‘обычно стараясь освободиться, подняться, выплыть’ – *Он не кричал, а только все барахтался, стараясь сбросить меня с своей спины* (М.Горький).

Атрибутивные ограничители, формируя гештальт-структуру, “упакованную” во фрейм, обычно не находят вербализованого выражения. Реализация связанных с ними позиций наблюдается в следующих случаях. Во-первых, при актуализации соответствующей лимитирующей семы: *диван* ‘род мебели большого размера обычно мягкой’ – *В гостиной стоял широкий и удивительно мягкий диван* (В.Набоков). Во-вторых, при несовпадении семантики прилагательного, замещающего позицию атрибутивного ограничителя, с прототипическим признаком, ср.: *По середине [браслета], между большими камнями, Вы увидите один зеленый. Это весьма редкий сорт граната – зеленый гранат* (А.Куприн) – *гранат* ‘драгоценный камень, обычно темно-красного цвета’.

В заключительном разделе главы представлен опыт анализа с помощью фрейм-метода пропозициональных структур, образованных гла-

гольными предикатами с лимитирующей семой неодоушевленного субъекта. Описаны пропозиции с предикатами состояния, возникновения, исчезновения, перемещения, воздействия на объект, а также пропозиции 'эмоциональное состояние субъекта' и 'интеллектуальная деятельность субъекта'.

Таким образом, закономерности реализации семантико-синтаксической позиции в поверхностной структуре высказывания определяются уровнем иерархии, занимаемым ограничителями, а также типом лимитирующей семы по степени жесткости ограничения.

В Заключении обобщаются полученные результаты исследования лимитирующей семантики. Принцип антропоцентризма, фундаментальный для современной науки, позволяет считать, что семантика лексической единицы не приравнивается к одной только мыслительной форме – понятию, но особой своей частью соотносится с другой формой мысли – представлением. Эта часть семемы, названная нами денотативно-ограничительным компонентом, расширяет структурное значение слова и одновременно выполняет ограничительную функцию, обозначая отбор из бесконечного числа фоновых признаков, присущих обозначаемому, лишь признаков прототипических, свойственных идеальному образцу класса объектов или ситуации. Эти признаки отражают наивное языковое сознание этнического коллектива и сформированы культурно-историческими условиями жизни социума.

Денотативно-ограничительный компонент входит в семемы слов всех грамматических классов и состоит из лимитирующих сем разных типов. С точки зрения системно-интегрального подхода каждое лексическое значение имеет лимитирующие семы (хотя это не всегда зафиксировано в словаре), так как любому понятию сопутствуют стандартные представления об объекте. На этом основании, вероятно, можно говорить о лимитирующих семях как о семантической универсалии, которая должна отражаться при лексикографической семантизации каждой лексической единицы. Составители Нового академического толкового словаря, судя по изложенным ими принципам, поставили перед собой именно такую задачу, и в этом мы видим практическое подтверждение нашего исследования. Выделенные в результате анализа вещественные разновидности лимитирующих сем и закономерности их взаимодействия с функциональными типами значений знаменательных слов помогут определить необходимые для толкования лексических единиц денотативно-ограничительные фрагменты, отсутствующие в существующих словарях.

Мир имеет континуальный характер, однако в языке он членится на значимые фрагменты. В разных культурах это членение получает различное понятийное и языковое выражение, ему соответствуют разные наборы имен и значений. Вместе с тем непрерывность мира непременно должна находить “отголоски” в языке и, как следствие, отражаться в словаре. Лимитирующие семы в значениях слов призваны устранить представленную в языке раздробленность мира и восстановить действительный континуум. Лимитирующие семы являются связующими нитями, “сцепками”, протянутыми от одной семемы к другой. С их помощью глагол “тянет” за собой существительное, оно, в свою очередь, прилагательное, и отдельные единицы словаря образуют сплошной поток лексикона. Действительность при этом предстает в языке мозаично сложенным целым.

Лимитирующие семы служат выразителями когнитивного принципа организации информации, базирующегося на перцептуальном различии “фигур” и “фона”. ЛС отражают элементы структуры знания и проецируются на терминалы фреймов, которые выступают как более заметные, выделенные и значимые в языковом сознании. Репрезентируясь в поверхностной структуре предложения или оставаясь имплицитными, семантико-синтаксические позиции, обусловленные лимитирующими семами, замыкают рамки констатируемой ситуации. В итоге объективность фрагмента мира, запечатленного предложением, получает ответ национально обусловленного мировосприятия.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

1. Ограничение в лексической семантике: семасиологический и лингвокультурологический аспекты. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1998. – 240 с. (14,8 п.л.).
2. Лексико-семантические группы русских глаголов: Коллект. монография / Под ред. Э.В.Кузнецовой. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1989. Раздел: Типовая сочетаемость глаголов. С.84–97 (1 п.л.).
3. Русская разговорная речь как явление городской культуры: Коллект. монография / Под ред. Т.В.Матвеевой. Екатеринбург: Изд-во “Арго”, 1996. Раздел: Жизнь чужого слова в разговорной речи горожан С.153-167 (0,5 п.л.).
4. Лексико-семантические группы русских глаголов: Словарь-справочник / Под общей ред. Т.В.Матвеевой. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 152 с. [в соавт. с Э.В.Кузнецовой, Л.Г.Бабенко, Н.А.Боровиковой и др.].

5. Коммуникативный русский язык. Учеб. пособие для студентов негуманитарных факультетов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 1995. С. 3-11; 20-26; 38-71; 71-74; 84-100 (3,5 п.л.) [в соавт. с М.В.Голомидовой].

6. Русский язык для студентов-нефилологов: Учеб. пособие. М.: Изд-во "Флинта", 1997. С.39-51; 176-241 (4 п.л.) [в соавт. с М.Ю.Федосюком, Т.А.Ладыженской, Н.А.Николиной].

7. Лексическая представленность глаголов с разными типами сем специализированного субъекта // Глагол в семантическом аспекте: Сб. научн. тр. Свердловск, 1983. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 14615 от 8.12.83. С. 10-20 (0,75 п.л.).

8. К вопросу об изучении глаголов с предметными семами // Проблемы глагольной семантики: Сб. научн. тр. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. 1984. С. 64-71 (0,5 п.л.).

9. Тематические классы глаголов со специализированными субъектными семами // Содержание и форма в языке и литературе: Сб. научн. тр. Свердловск, 1984. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 19546 от 8.02.85. С. 5-12 (0,5 п.л.).

10. Особенности функционирования глаголов со специализированными субъектными семами в основном и неосновном значении // Классы слов в функциональном аспекте: Сб. научн. тр. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. 1986. С. 33-37 (0,5 п.л.).

11. Глаголы со специализированными субъектными семами // Языковые и речевые единицы в лексике и фразеологии русского языка: Сб. научн. тр. Курск: Курск. пед. ин-т. 1986. С. 3-14 (0,75 п.л.) [в соавт. с Э.В.Кузнецовой].

12. Предикатные компоненты семантики глагола // Семантика слова и синтаксической конструкции. Сб. научн. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 1987. С. 38-47 (0,75 п.л.) [в соавт. с Э.В.Кузнецовой].

13. Изменение типовой сочетаемости глаголов, обусловленное специализированными предметными семами // Классы слов в синтагматическом аспекте: Сб. научн. тр. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. 1988. С. 93-100 (0,5 п.л.).

14. Глаголы со специализированными субъектными семами и структура предложения // Номинативные единицы языка и их функционирование: Сб. научн. тр. Кемерово: Кемеров.пед.ин-т. 1987. С. 31-36 (0,5 п.л.).

15. Семантическая структура глаголов со специализированными субъектными семами // Системность языковых средств и их функционирование. Куйбышев: Куйбышев. ун-т. 1989. С. 14-21 (0,5 п.л.).

16. Глаголы со специализированными субъектными семами в произведениях советских авторов // Проблемы изучения художественной литературы в контексте советской культуры. Международная научно-методическая конференция: Тезисы докл. Л.: Ленинград. ун-т. 1989. С. 34-36 (0,15 п.л.).

17. Парадигматические особенности глаголов периферийного класса // Типы языковых парадигм: Сб. научн. тр. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. 1990. С. 48-53 (0,5 п.л.).

18. Предложения с предикатами "свойства" (вариантные отношения) // Вариантные отношения в языке и тексте: Сб. научн. тр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 1993. С. 61-68 (0,5 п.л.).

19. Свойство и состояние: философский и лингвистический аспекты // Язык и культура // 2-я междунар. научн. конф. Тезисы. Киев: Изд-во "Collegium". 1993. С.56-58 (0,15 п.л.).

20. Функциональные глаголы и их употребление в речи // Структура и семантика языковых единиц в речи. Уфа: Башкир. пед. ин-т. 1994. С. 14-21 (0,5 п.л.) [в соавт. с А.М.Плотниковой].

21. Лексико-семантические группы глаголов и семантические модели предложения // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т.2. М.: Филология. 1995. С.347-348 (0,1 п.л.).

22. Компоненты-ограничители в словарных толкованиях и их семантика // Семантика языковых единиц. Доклады V Международной конференции. Т.1. М.: Изд-во "Физкультура, образование и наука". 1996. С. 91-93 (0, 5 п.л.).

23. Чужое слово в русской разговорной речи // Slowo. Tekst. Czas. Материалы международной конференции. Szczecin: Uniwersytet Szczeciński. 1996. С. 236-241 (0,5 п.л.).

24. Лексическое значение, понятие и представление: лексикографическая интерпретация // Актуальные проблемы русистики. Тезисы докл. и сообщений международной научной конференции, посвященной памяти Э.В.Кузнецовой. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 1997. С. 203-205 (0,15 п.л.).

25. О путях развития теории лексического значения // Русское слово в языке, тексте и культурной среде: Сб. научн. тр. Под ред. И.Т.Вепревой. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 1997. С.7-22 (0,9 п.л.).

Подписано в печ. **31.08.98г.** Формат 60 x 84 1/16.
Бумага *милей* Объем **2,0** Тир. **100** Зак. № **157**
Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51. Типолаборатория УрГУ.